

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.4.4](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.4)
EDN [ROOFER](#)
УДК 321.7:316.422

А. И. Серавин¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ДЕМОКРАТИЗАЦИИ: ФАКТОРЫ, ПРОБЛЕМЫ, ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Аннотация. Современные исследования цифровой трансформации общества дают противоречивые оценки её влияния на демократические институты: одни авторы рассматривают цифровизацию как ресурс для расширения гражданского участия, другие — как источник дезинформации и эрозии публичной сферы. Эта неопределённость указывает на недостаточную теоретическую проработку условий, при которых цифровые технологии становятся фактором демократизации или её подрыва. Актуальность темы обусловлена кризисом представительной демократии и трансформацией публичной сферы под влиянием алгоритмизированных платформ, где медиа выступают перформативными акторами, а не нейтральными каналами. Цель данного исследования — выявить и систематизировать полярные сценарии развития цифровой политической коммуникации в условиях делиберативной демократии. Методология сочетает системный, структурно-функциональный и диалектический анализ с интерпретацией эмпирических данных из глобальных международных опросов Digital News Report 2024 и Edelman Trust Barometer 2025. Анализ показал, что уровень доверия к медиа и, следовательно, потенциал делиберативной демократии зависят не от технологий как таковых, а от качества институциональной медиасреды. В странах с сильными институтами общественного вещания (Финляндия, Дания) цифровизация усиливает вовлечённость, тогда как в условиях политической поляризации (США, Франция) или слабости независимых СМИ (Восточная Европа) она способствует фрагментации и манипуляции. Полученные данные позволяют обосновать необходимость дифференцированного регулирования цифрового пространства и перехода к политике осознанного проектирования медиаинфраструктуры, ориентированной на поддержку демократических ценностей.

Ключевые слова: цифровизация, делиберативная демократия, медиатизированная демократия, цифровая политическая коммуникация, доверие к СМИ, Big Tech, мониторинговая демократия

Для цитирования: Серавин А. И. Взаимосвязь цифровизации и демократизации: факторы, проблемы, ценности в условиях делиберативной демократии // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 4. С. 60–71. DOI [10.19181/nko.2025.31.4.4](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.4). EDN [ROOFER](#).

Введение. Цифровизация всё глубже проникает в ткань общественно-политических коммуникаций, трансформируя как формы взаимодействия между гражданами и властью, так и саму архитектуру публичной сферы. С одной стороны, цифровые технологии создают новые возможности для расширения гражданского участия, организации диалога и реализации принципов делиберативной и мониторинговой демократии. С другой, — они сопряжены с такими рисками, как распространение дезинформации, фрагментация аудиторий, рост социальной апатии и монополизация информационного пространства со стороны

крупных технологических корпораций. Эта двойственность порождает сложное противоречие, которое до сих пор недостаточно теоретически осмыслено.

Традиционные подходы к анализу демократии, от концепции публичной сферы до моделей представительства, разрабатывались в условиях иной медиасреды и не всегда применимы к цифровой реальности. В то же время эмпирические данные свидетельствуют о значительных различиях в восприятии медиа и уровнях доверия к ним в разных странах, что указывает на важную роль социально-политического и культурного контекста. Однако остаётся неясным, как именно эти факторы взаимодействуют с технологическими изменениями и какие последствия это имеет для устойчивости демократических институтов.

В этих условиях назревает необходимость в новой аналитической рамке, способной учитывать не только эффекты цифровизации, но и её взаимную обусловленность с обществом. Всё больше исследователей обращаются к идее со-конституирования технологий и социальных практик, а также к концепции медиатизированной демократии, в которой медиа перестают быть нейтральным каналом и становятся активным участником политического процесса. Однако до сих пор не предложено системной модели, позволяющей различать и оценивать противоположные траектории развития цифровой политической коммуникации.

Цель данного исследования — разработать концептуальные основания для различения полярных сценариев трансформации общественно-политических коммуникаций в условиях цифровизации: созидательного (усиливающего де-либерацию, инклюзивность и общественный контроль) и деструктивного (способствующего манипуляции, монополизации и эрозии доверия). Для этого предполагается проанализировать теоретические подходы к цифровой демократии, эмпирические данные о доверии к медиа в различных странах, а также роль Big Tech как нового политического актора.

Теоретическую базу работы составляют исследования в рамках теории сетевого общества (М. Кастельс, А. Чэдвак) [1; 2], теории медиатизации социальной реальности (В. Шульц, М. А. Чекунова) [3; 4], концепции «общества платформ» (ван Дейк, Т. Поэлл) [5], а также работы по электронной и мониторинговой демократии (Р. Гибсон, Т. Ровинская, Дж. Кин) [6; 7; 8]. Особое внимание будет уделено критике технологического детерминизма и прагматическому подходу (Б. Латур, Дж. Дьюи) [9], рассматривающему технологии как перформативные, то есть не отражающие, а формирующие реальность.

Методология исследования опирается на системный, структурно-функциональный и диалектический анализ процессов трансформации общественно-политических коммуникаций, а также на интерпретативный анализ эмпирических данных. Такой междисциплинарный подход позволит последовательно рассмотреть противоречия цифровой эпохи и заложить основу для дифференцированного подхода к регулированию цифрового пространства.

Делиберативная демократия в цифровую эпоху. Современные вызовы демократии, к числу которых можно отнести эрозию доверия к институтам власти, рост политической апатии и другие, рассматриваемые далее, всё чаще интерпретируются как кризис представительной модели, в которой граждане делегируют полномочия избранным на время мандата. На этом фоне обновляется интерес к делиберативной демократии как альтернативной парадигме, предполагающей непрерывное участие граждан в обсуждении общественных дел.

Однако условия, в которых эта модель должна реализовываться, кардинально изменились: публичная сфера всё больше конституируется не в традиционных СМИ и не на парламентских трибунах, а в цифровых медиа, контролируемых во-многом негосударственными акторами.

Традиционная концепция публичной сферы, предложенная Ю. Хабермасом, предполагала пространство, свободное от власти и коммерции, где равные участники ведут рациональный диалог [10]. В цифровую эпоху это пространство фрагментировано, алгоритмизировано и пронизано интересами платформ, что ставит под сомнение саму возможность делиберации в её классическом виде, ведь медиа перестают быть нейтральным каналом передачи и становятся активным агентом формирования политической повестки [11]. Тем не менее, именно стремление к делиберативному идеалу открытости, равенства и аргументативности продолжает служить ориентиром для оценки новых форм политической коммуникации. В то же время отдельные исследования подчёркивают потенциал интеграции делиберативной модели с цифровыми технологиями, как способа преодоления политической пассивности и укрепления доверия к институтам, но реализация этого потенциала требует предварительно преодоления теоретических разногласий между моделями делиберации и обеспечения качественного регулирования цифровых платформ [12; 13].

Современные дискуссии о будущем демократии всё чаще исходят из признания кризиса её представительной модели. Политологи отмечают ослабление традиционных институтов — партий, парламентов, выборов — и рост запроса на новые формы участия, выходящие за рамки электорального цикла [8; 14]. В этих условиях цифровые технологии рассматриваются уже как фактор, способный переформатировать саму логику демократического взаимодействия. На смену линейным моделям, в которых технологии выступают в роли «независимой переменной», воздействующей на демократию, приходит альтернативная перспектива — концепция медиатизированной демократии [15; 16]. Её сторонники подчёркивают, что цифровизация и демократия не могут рассматриваться отдельно: они взаимно конституируют друг друга [17; 24]. Эта позиция отвергает технологический детерминизм и акцентирует внимание на исторической обусловленности медиатехнологий. Это ставит вопрос о социально-политических условиях, делающих возможными те или иные технологические разработки, например, почему разработка, известная нам как «интернет» победил альтернативные сети передачи данных. Развивая эту мысль отметим, что продолжающаяся конкуренция между сетевыми моделями (иерархическими государственными инфраструктурами и децентрализованным интернетом) отражает более глубокую борьбу между идеологией контроля и идеологией свободы. Интернет, таким образом, следует рассматривать не как автономную силу, а как продукт структурных изменений, либерального миропорядка конца XX века, включающих социальные, экономические и культурные факторы [19].

Центральное значение в этой новой парадигме приобретает перформативность технологий: они не просто отражают существующую реальность, но активно конструируют новые социальные и политические порядки [20]. В этом русле Д. Аиде рассматривает технологии как медиаторов, которые не передают информацию нейтрально, а создают «пространство возможностей» для взаимодействия с миром [21]. В этом смысле цифровые платформы выступают не как инструменты, а как участники политического процесса, они становятся фактором трансформации самой структуры представительной демократии. Эта транс-

формация проявляется в смещении акцента с формального представительства на постоянный постэлекторальный контроль, то есть наблюдение за властью через независимые СМИ, НКО, утечки данных, онлайн-петиции. П. Розанваллон описывает этот сдвиг как переход к контрдемократии, а Дж. Кин — как становление мониторинговой демократии [14; 8].

Однако расширение возможностей общественного контроля сопряжено с новыми вызовами. Цифровые платформы, на которых всё чаще строится мониторинговая деятельность, находятся под контролем крупных технологических корпораций (Big Tech), фактически не подотчётных национальным правовым системам. В результате, IT-гиганты превращаются в новых «властителей» информационного пространства, чьи алгоритмы и редакционные решения напрямую влияют на условия делиберации [22]. Они могут реализовывать цензуру социальных платформ, ограничивая свободу слова, формировать повестку через фильтрацию контента, а в ряде случаев вступать в тесное взаимодействие с государственными структурами, что создаёт риски сращивания власти и технологического капитала.

Эта амбивалентность — одновременный потенциал демократизации и угроза цифровой диктатуры — лежит в основе современного противоречия. С одной стороны, платформы дают гражданам инструменты для организации протестов (#BlackLivesMatter), краудсорсинга решений, разоблачения коррупции. С другой, те же алгоритмы способствуют поляризации, созданию «эхо-камер» [11; 23] и манипуляции настроениями, как это продемонстрировал скандал с Cambridge Analytica в 2018 году¹. В этих условиях возникает вопрос, как различить демократический потенциал цифровых медиа от их инструментализации в авторитарных или коммерческих целях?

Ответ, по мнению ряда исследователей, требует отказа от пассивного отношения к технологиям и перехода к их политическому проектированию. Подходы Латура и Дьюи подчёркивают, что технологии стабилизируются через социальные практики и могут быть целенаправленно сформированы в соответствии с демократическими ценностями, например, через прозрачность алгоритмов, защиту от манипуляции, поддержку плюрализма [9]. Однако для этого необходима теоретическая основа, способная фиксировать не только риски, но и возможности, заложенные в конкретных цифровых архитектурах.

Таким образом, анализ трансформации демократии в цифровую эпоху требует перехода от упрощённых причинно-следственных моделей к более сложному, диалектическому пониманию взаимосвязи технологий и общества. Именно эта задача определяет дальнейшее движение исследования: выявление и дифференциация полярных сценариев развития цифровой политической коммуникации.

Доверие к медиа в глобальном контексте. Цифровизация трансформирует способы потребления новостей и меняет роль медиа в общественно-политической жизни. В этих условиях уровень доверия к новостным источникам становится важным показателем восприятия медиа обществом. Однако это доверие — это не универсальная величина, а сложный социально-политический феномен, формирующийся под влиянием институциональных, культурных и исторических условий [24]. Эмпирические данные позволяют проследить

¹ Как Cambridge Analytica «взламывала выборы» по всему миру // ТАСС. 05.04.2018. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5048632> (дата обращения: 25.03.2025).

различия в том, как население разных стран оценивает надёжность новостной среды в условиях цифровой трансформации.

Эмпирические данные, изложенные в докладе Digital News Report 2024 (Reuters Institute)², позволяют прийти к выводу, что уровень доверия к новостям в цифровую эпоху не определяется наличием технологий, а формируется в рамках конкретных институциональных, политических и культурных условий. Исследование проводилось в январе–феврале 2024 года в 47 странах шести континентов. В каждой стране было опрошено около 2000 респондентов, что обеспечивает репрезентативную основу для межстранового сравнительного анализа. Время проведения опроса совпало с периодом выборных кампаний во многих странах, а также с эскалацией военных конфликтов на Украине и в Газе, т.е. в условиях повышенной значимости независимой журналистики и адекватной новостной подачи. Отметим, что Россия и КНР в опросе не участвовали «в связи с политической чувствительностью задаваемых вопросов»³.

Респондентам был задан ключевой вопрос: «Насколько Вы можете доверять большинству новостей?» (How much of the time do you think you can trust most news?). За основу анализа взят ответ «Большую часть времени» (Most of the time), то есть выражение устойчивого доверия к новостной среде в целом (см. рис. 1).

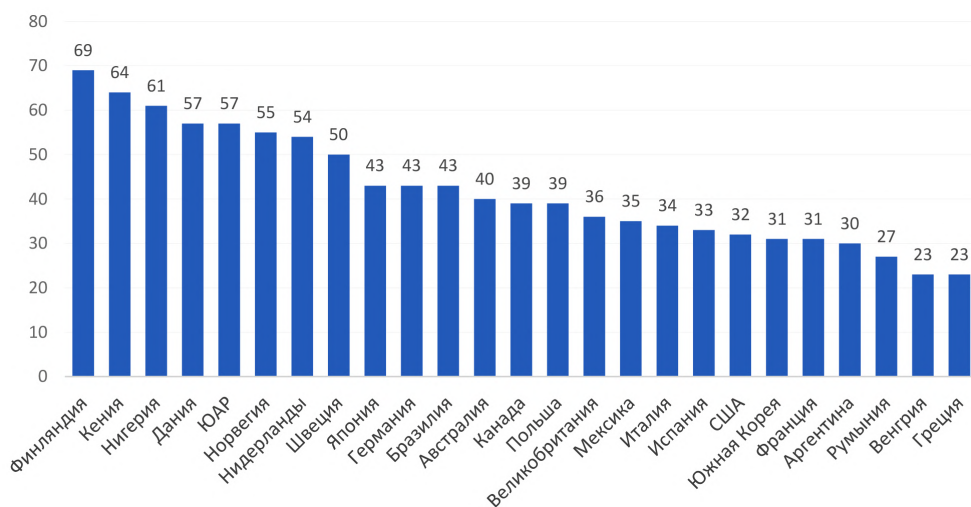

Рисунок 1. Доверие к новостям по странам, 2024 (%)

Источник: построено по данным Digital News Report 2024, Reuters Institute for the Study of Journalism URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2024/dnr-executive-summary> (accessed: 25.03.2025). Данные по Кении, Нигерии и ЮАР относятся к онлайн-аудитории (преимущественно городской, образованной и англоязычной) и не являются национально репрезентативными. Россия и КНР в исследовании не участвуют.

Географическое распределение доверия к новостям демонстрирует устойчивые паттерны. Страны Северной Европы (Финляндия — 69%, Дания — 57%, Норвегия — 55%) формируют «зону высокого доверия». Это напрямую связано с устойчивостью института общественного вещания, то есть независимыми, хорошо финансируемыми медиа, ориентированными на общественный интерес, а не на прибыль или полити-

² Digital News Report 2024, Reuters Institute for the Study of Journalism URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2024/dnr-executive-summary> (accessed: 25.03.2025).

³ Там же.

ческую конъюнктуру. Высокая медиаграмотность населения дополняет этот эффект, обеспечивая критическое, но конструктивное отношение к новостям.

В противоположность этому, Восточная и Южная Европа (Греция — 23%, Венгрия — 23%, Румыния — 27%) составляют «зону низкого доверия», где медиасреда системно подвержена политическому давлению, коммерциализации и поляризации.

Среди стран Западной Европы особо выделяется Франция (31%) — страна с развитой журналистской традицией, но с резко сниженным доверием, что связывается с глубокой политической поляризацией и системными атаками на СМИ как институт. Франция выступает наглядным примером, что даже в условиях сильных медиа доверие может быть подорвано, если медиа воспринимаются как ангажированные.

Интересно, что и в высокотехнологичных экономиках Азиатско-Тихоокеанского региона доверие не всегда высокое. В Японии оно составляет 43%, а в Южной Корее — 31%.

Наконец, страны Глобального Юга демонстрируют максимальный разброс от 64% в Кении и 61% в Нигерии до 30% в Аргентине и 35% в Мексике.

Представленное на рис. 1 территориальное распределение по уровню доверия граждан к транслируемым в СМИ новостям по всем примерам указывает на значимость локальных институциональных условий не в меньшей степени, чем глобальных технологических трендов. Соответственно и устойчивость делиберативной демократии в цифровую эпоху зависит не от самого факта наличия платформ или скорости интернета, а от способности медиа быть институционально независимыми и внешне нейтральными. Без этого цифровая сфера рискует превратиться не в пространство рациональной делиберации, а в арену манипуляции и поляризации.

Для более глубокого понимания природы доверия к медиа полезно сопоставить два измерения: доверие к новостному контенту (на основе Digital News Report 2024 и вопроса «Насколько Вы можете доверять большинству новостей?») и доверие к медиа как социальному институту (Edelman Trust Barometer 2025 и вопрос «Доверяете ли вы медиа как институту, который делает то, что правильно?»)⁴. Хотя опросы проводились разными организациями и с различиями в формулировках вопросов, оба измеряют воспринимаемую надёжность медиа на основе репрезентативных национальных выборок (≈2000 респондентов на страну) и используют сопоставимые шкалы доверия (top-box ответы). Сравнение этих показателей в странах, входящих в оба исследования, позволяет выявить расхождения между отношением к конкретным новостям и отношением к медиа как институту, что может оказаться важным для анализа условий делиберативной демократии, зависящей не только от доступности информации, но и от легитимности её источников.

Сопоставление данных позволяет выявить два принципиальных паттерна. Во-первых, в странах с устойчивыми традициями института общественного вещания, таких как Германия (44% / 43%) и Швеция (47% / 50%), уровень доверия к медиа как к институту практически совпадает с доверием к новостному контенту, фактически обеспечивающему информационную основу для делиберативного диалога.

⁴ Edelman Trust Barometer 2025. URL: <https://www.edelman.com/trust/2025/trust-barometer> (accessed: 25.03.2025).

Таблица 1

Сравнение уровня доверия к медиа как институту (Edelman 2025)
и к новостям как продукту (DNR 2024)

Страна	Доверие к медиа (Edelman 2025)	Доверие к новостям (DNR 2024)
Канада	52	39
Германия	44	43
Великобритания	36	36
Франция	45	31
США	42	32
Аргентина	42	30
Бразилия	46	43
Швеция	43	50
Япония	33	43
Южная Корея	38	31
Мексика	54	35
Италия	52	34
Испания	40	33

Источник: построено автором на основе двух аналитических докладов: Edelman Trust Barometer 2025, стр. 44 (график «Percent trust in media»), URL: <https://www.edelman.com/trust/2025/trust-barometer> (accessed: 25.03.2025); Digital News Report 2024, стр. 25 (график «Proportion that trust most news most of the time»), URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2024/dnr-executive-summary> (accessed: 25.03.2025).

Во-вторых, в условиях глубокой политической поляризации наблюдается разрыв между доверием к институту и доверием к продукту. Особенно ярко это проявляется во Франции: доверие к медиа как к институту составляет 45%, тогда как доверие к большинству новостей — всего 31%. То есть общество всё ещё уважает социальную значимость медиа, но утратило веру в нейтральность новостной подачи, что подрывает условия для рациональной де-libерации.

Другая картина наблюдается в странах с системно низким доверием, таких как Южная Корея (31% / 31%) или Аргентина (42% / 30%). Здесь отсутствует как вера в нейтральность новостей, так и базовое доверие к медиа как к институту. Это повышает вероятность превращения цифровой среды из пространства коммуникации в арену для распространения эмоционально ангажированных, манипулятивных сообщений.

В целом, согласно Edelman Trust Barometer 2025, медиа остаются наименее доверяемым институтом среди четырёх основных (бизнес, правительство, НКО, медиа) в 14 из 28 исследованных стран. В среднем по всем странам только 44% респондентов доверяют медиа как институту. При этом ключевой причиной недоверия называется воспринимаемая идеологическая предвзятость, в среднем 58% респондентов считают, что новостные организации больше озабоче-

ны поддержкой идеологии или политической позиции, чем информированием общественности». Особенно высока эта доля в США (71%), Аргентине (68%) и Франции (66%)⁵.

Хотя рассмотренные выше глобальные исследования исключают Россию из анализа по методологическим и политическим причинам, отечественные опросы позволяют зафиксировать устойчивую тенденцию к снижению доверия к новостным источникам. Согласно данным ВЦИОМ на рубеже 2023–2024 гг., около 40% россиян заявляли, что доверяют новостям в целом, при этом доверие к интернет-СМИ оценивалось значительно ниже на уровне 20%⁶. Медиа-мониторинг Ромир за IV квартал 2024 года показал, что телевидение остаётся основным источником новостей для 41% респондентов, однако доверие к нему составляет лишь 33%. Одновременно наблюдается рост доли альтернативных каналов: Telegram и онлайн-ресурсам доверяют по 22% опрошенных. При этом 27% россиян сообщили, что используют онлайн-платформы как один из источников информации, но лишь 12% выбирают их в качестве основного канала потребления новостей⁷. Эти данные указывают на фрагментацию медиааудитории и формирование нишевых информационных пузырей на фоне общей информационной усталости и снижения вовлечённости.

В условиях ограниченной независимости медиа и доминирования государственных нарративов в ключевых каналах распространения информации, цифровизация в российском контексте на текущий момент скорее не воспроизводит условий для делиберативного диалога, а усиливает риски деструктивного сценария. Это подчёркивает, что эффективные меры поддержки демократических коммуникаций должны быть не универсальными, а контекстуально адаптированными, учитывающими специфику медиapolитической среды.

Полярные сценарии развития цифровой политической коммуникации. Цифровая трансформация общественно-политических коммуникаций, как уже было отмечено, носит двойственный характер. С одной стороны, она создаёт возможности для расширения гражданского участия, диалога между обществом и властью и реализации потенциала делиберативной демократии. С другой, порождает угрозы в виде информационного шума, дезинформации, социальной апатии и подрыва доверия к политическим институтам.

Эти противоположные траектории можно систематизировать как полярные сценарии развития цифровой политической коммуникации: созидательный и деструктивный.

Созидательный сценарий проявляется в тех случаях, когда цифровые технологии используются для укрепления демократических практик. Он включает в себя:

- создание платформ для диалога между гражданами и властью;
- развитие онлайн-делибераций и краудсорсинга политических решений;
- активизацию гражданского участия через цифровые петиции и инициативы;
- поддержку независимых СМИ как инструмента общественного контроля.

⁵ Там же. Стр. 40, 44.

⁶ Новости, достойные доверия // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novosti-dostoinye-doverija> (дата обращения: 25.03.2025).

⁷ Динамика медиапотребления в России: россияне стали меньше доверять. Данные РОМИР за IV квартал 2024 года // Ромир. URL: <https://romir.ru/feed/dinamika-mediapotrebleniya-v-rossii-rossiyane-stali-menshe-doveryat-dannye-romir-za-iv-kvartal-2024-goda> (дата обращения: 25.03.2025).

Ярким примером служит опыт Грузии, где после «Революции роз» (2003) телеканал Rustavi 2 стал ключевым инструментом мониторинга власти, освещая коррупцию, нарушения. Аналогичную роль играет южнокорейская платформа Fact-Check Net, которая борется с дезинформацией и повышает доверие к цифровым медиа. Американская платформа со схожим названием [FactCheck.org](https://factcheck.org) не фокусируется конкретно на цифровых медиа, но борется с дезинформацией в политике США, проверяя заявления политиков, рекламу и новости, что в целом имеет схожий эффект. В этих случаях цифровизация выступает как ресурс для мониторинговой и делиберативной демократии, обеспечивая прозрачность, плюрализм и вовлечённость.

Деструктивный сценарий, в свою очередь, возникает, когда цифровые технологии инструментализируются для манипуляции, контроля и подавления. Его ключевые проявления:

- распространение дезинформации через фабрики троллей и фейковые новости;
- использование микротаргетинга и алгоритмической манипуляции в политической рекламе, как в случае с Cambridge Analytica;
- формирование «эхо-камер» и алгоритмических «пузырей», усиливающих поляризацию;
- цензура в социальных сетях и на цифровых платформах под предлогом борьбы с дезинформацией.

В этих условиях цифровые платформы перестают быть пространством делиберации и превращаются в арену информационной войны, где эмоциональный нарратив замещает разумную аргументацию, а участие заменяется манипуляцией. Особенно отчётливо это проявляется в концепте «эмоциональной демократии» [25], где технологии используются не для расширения рационального диалога, а для управления общественным настроением.

Предложенное разделение на полярные сценарии имеет прямое значение для разработки регуляторных мер. Предполагается, что эффективная политика в сфере цифрового регулирования будет поддерживать практики, усиливающие делиберацию, инклюзивность и общественный контроль; противодействовать практикам, ведущим к монополизации, манипуляции и эрозии доверия. Это требует отказа от универсальных подходов и перехода к дифференцированному регулированию, способному различать демократический потенциал цифровых медиа от их инструментализации в авторитарных или коммерческих целях.

Заключение. Проведённое исследование подтвердило, что цифровизация не является нейтральным или однозначным фактором в развитии демократии. Напротив, она выступает амбивалентным процессом, потенциал которого определяется не технологическими характеристиками, а институциональным и культурным контекстом его внедрения. Поставленная цель — выявить и теоретически обосновать полярные сценарии развития цифровой политической коммуникации — была достигнута через сопоставление эмпирических данных и теоретических моделей.

Анализ показал, что созидательный сценарий реализуется в условиях, где существуют устойчивые институты независимой журналистики, высокая медиаграмотность и воспринимаемая нейтральность медиа. В таких средах цифровые платформы усиливают делиберативную и мониторинговую демократию, обе-

спечивая прозрачность, инклюзивность и конструктивный публичный диалог. Напротив, деструктивный сценарий доминирует там, где медиа функционируют как инструмент политической борьбы или коммерческой эксплуатации: алгоритмы усиливают поляризацию, дезинформация подменяет фактологию, а участие превращается в манипулируемую эмоциональную реакцию.

Ключевой вывод заключается в том, что устойчивость демократии в цифровую эпоху зависит не от наличия технологий, а от способности общества и государства осознанно проектировать цифровую инфраструктуру в соответствии с демократическими ценностями. Это означает переход от реактивного регулирования к политическому проектированию технологий, целенаправленному формированию условий, в которых алгоритмы, цифровые платформы и медиаархитектура поддерживают открытость, плюрализм и критическую рефлексия.

В перспективе дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку индикаторов «демократической устойчивости» цифровых платформ, а также на изучение гибридных форм регулирования, сочетающих государственные, корпоративные и гражданские механизмы. Только такой многоуровневый и осознанный подход позволит преодолеть парадокс цифровой эпохи, когда технологии, способные укреплять демократию, одновременно становятся инструментом её системного подрыва.

Библиографический список / References

1. Castells M. Networks of outrage and hope: social movements in the Internet age. Cambridge: Polity Press; 2015.
2. Chadwick A. Web 2.0: New challenges for the study of e-democracy in an era of informational exuberance. *A Journal of Law and Policy for the Information Society*. 2009;(5). P. 9–41.
3. Schultz W. Reconstructing mediatization as an analytical concept. *European Journal of Communication*. 2004;19(1):87–101. DOI [10.1177/0267323104040696](https://doi.org/10.1177/0267323104040696).
4. Чекунова М. А. Новая властно-общественная коммуникативистика и политические последствия цифровой трансформации социума // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16, № 2. С. 125–138. DOI [10.22394/2071-2367-2021-16-2-125-138](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-2-125-138). EDN TMOIVL.
Chekunova M. A. New power-public communicativism and political consequences of the digital transformation of society. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2021;16(2):125–138. (In Russ.). DOI [10.22394/2071-2367-2021-16-2-125-138](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-2-125-138).
5. van Dijck J., Poell Th., de Waal M. The platform society: public values in a connective world. Oxford University Press, 2018.
6. Gibson R. Party change, social media and the rise of “citizen-initiated” campaigning. *Party Politics*. 2013;21(2):183–196. DOI [10.1177/1354068812472575](https://doi.org/10.1177/1354068812472575).
7. Ровинская Т. Л. Свобода слова в условиях цифровой диктатуры IT-корпораций // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 22–36. DOI [10.17976/jpps/2022.02.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.03). EDN ZXWAEB.
Rovinskaya T. L. Freedom of speech amid the digital dictatorship of IT corporations. *Polis. Political Studies*. 2022;(2):22–36. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2022.02.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.03).
8. Кин Д. Демократия и декаданс медиа. М. : ВШЭ, 2015. 308 с.
Keane J. Democracy and media decadence. Moscow: HSE; 2015. (In Russ.).
9. Латаур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : ВШЭ, 2014. 384 с.
Latour B. Reassembling the Social an Introduction to Actor-Network-Theory. Moscow: HSE; 2014. (In Russ.).
10. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. М. : Весь Мир, 2016. 342 с.
Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Moscow: Ves' Mir; 2016. (In Russ.).
11. Sunstein C. R. [Republic.com](https://www.republic.com) 2.0. Princeton University Press; 2007. EDN QWMTJV.

12. Фурс В. А. Перспективы развития делиберативной демократии в условиях цифровизации коммуникативных технологий // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 4. С. 20–30. DOI [10.12737/2587-6295-2022-6-4-20-30](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-4-20-30). EDN NGFZPA.
Furs V. A. Prospects for the development of deliberative democracy in the context of digitalization of communication technologies. *Journal of Political Research*. 2022;6(4):20–30. (In Russ.). DOI [10.12737/2587-6295-2022-6-4-20-30](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-4-20-30).
13. Шевченко Л. В. Трансформация общественно-политической коммуникации в условиях цифровизации общества // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, № 6. С. 191–200. DOI [10.18522/2227-8656.2022.6.11](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.6.11). EDN DKAJFW.
Shevchenko L. V. Transformation of socio-political communication in the context of the digitalization of society. *Humanities of the South of Russia*. 2022;11(6):191–200. (In Russ.). DOI [10.18522/2227-8656.2022.6.11](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.6.11).
14. Розанваллон П. Демократическая легитимность: беспристрастность, рефлексивность, близость. М.: Московская школа гражданского просвещения, 2015. 300 с.
Rosanvallon P. La légitimité démocratique. Impartialité, réflexivité, proximité. Moscow: Moskovskaya shkola grazhdanskogo prosveshcheniya; 2015. (In Russ.).
15. Mazzoleni G., Schulz W. “Mediatization” of Politics: A Challenge for Democracy? *Political Communication*. 1999;16(3):247–261. DOI [10.1080/105846099198613](https://doi.org/10.1080/105846099198613).
16. Hjarvard S. The Mediatization of Society. A Theory of Media as Agents of Social and Cultural Change. *Nordicom Review*. 2008;29(2):105–134.
17. Dean J. Sorted for memes and gifs: Visual media and everyday digital politics. *Political Studies Review*. 2019;17(3):255–266. DOI [10.1177/1478929918807483](https://doi.org/10.1177/1478929918807483).
18. Rose M. Not media about, but media with: Co-creation for activism. In: M. Rose, S. Gaudenzi, J. Aston (eds.) *I-docs: the evolving practices of interactive documentary*. Wallflower, Columbia University Press; 2017. P. 49–65.
19. Авцинова Г. И., Воронина Е. Ю. Трансформация ценностей в глобальном мире в эпоху цифровизации // PolitBook. 2023. № 1. С. 46–57. EDN RQXUTV.
Avtsinova G., Voronina E. Transformation of values in the global world in the era of digitalization. *PolitBook*. 2023;(1):46–57. (In Russ.).
20. Govil N., Baishya A. K. The bully in the pulpit: Autocracy, digital social media, and right-wing populist technoculture. *Communication, Culture and Critique*. 2018;11(1):67–84. DOI [10.1093/ccc/tcx001](https://doi.org/10.1093/ccc/tcx001).
21. Ihde D. *Instrumental realism*. Indiana University Press; 1991.
22. Gillespie T. The Politics of “Platforms”. *New Media & Society*. 2010;12(3):347–364. DOI [10.1177/1461444809342738](https://doi.org/10.1177/1461444809342738).
23. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. 304 с.
Pariser E. *The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You*. Moscow: Al'pina Biznes Buks; 2012. (In Russ.).
24. Sztompka P. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge University Press; 1999.
25. Beer E. S. Building Emotional Democracy. *The Social Studies*. 1952;43(6):245–248.

Поступила: 01.04.2025. Доработана: 20.05.2025. Принята: 26.05.2025.

Сведения об авторе:

Серавин Александр Игоревич, кандидат политических наук, исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.

electoral.politic@gmail.com

Author ID РИНЦ: [1244673](https://elibrary.ru/1244673)

A. I. Seravin¹

¹ St. Petersburg University. St Petersburg, Russia

INTERPLAY BETWEEN DIGITALIZATION AND DEMOCRATIZATION: FACTORS, CHALLENGES, AND VALUES IN THE CONTEXT OF DELIBERATIVE DEMOCRACY

Abstract. Contemporary studies of digital societal transformation offer conflicting assessments of its impact on democratic institutions: some authors view digitalization as a resource for expanding civic participation, while others see it as a source of disinformation and erosion of the public sphere. This ambiguity indicates insufficient theoretical elaboration of the conditions under which digital technologies become a factor either reinforcing or undermining democratization. The relevance of the topic stems from the crisis of representative democracy and the transformation of the public sphere under the influence of algorithm-driven platforms, where media act as performative agents rather than neutral channels. The aim of this study is to identify and systematize polar scenarios for the development of digital political communication within deliberative democracy. The methodology combines systemic, structural-functional, and dialectical analysis with the interpretation of empirical data from global international surveys — the Digital News Report 2024 and the Edelman Trust Barometer 2025. The analysis demonstrates that trust in media — and thus the potential for deliberative democracy — depends not on technologies per se, but on the quality of the institutional media environment. In countries with strong public service media institutions (e.g., Finland, Denmark), digitalization enhances civic engagement, whereas under conditions of political polarization (e.g., the United States, France) or weak independent media (Eastern Europe), it contributes to fragmentation and manipulation. The findings substantiate the need for differentiated regulation of digital spaces and a shift toward intentional design of media infrastructures oriented toward supporting democratic values.

Keywords: digitalization, deliberative democracy, mediatized democracy, digital political communication, media trust, Big Tech, monitoring democracy

For citation: Seravin A. I. Interplay between digitalization and democratization: factors, challenges, and values in the context of deliberative democracy. *Science. Culture. Society.* 2025;31(4):60–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.4>

Received: 01.04.2025. Corrected: 20.05.2025. Accepted: 26.05.2025.

Author information:

Alexander I. Seravin, Candidate of Political Science, Researcher,
St. Petersburg University, St Petersburg, Russia.
electoral.politic@gmail.com